

— Есть такое распространённое выражение — русские армяне. Кто эти люди? Они скорее русские или скорее армяне?

— Любой относительно небольшой народ имеет склонность к сохранению своей идентичности и отличия от других. Армяне живут практически везде, во всех странах мира. Первые армянские общины были основаны в очень раннем Средневековье. Практически везде армяне интегрируются, при этом сохраняя свою идентичность. Для нас сохранение идентичности — это важно, очень трепетное отношение к этому. Может быть, из-за темы Геноцида армян, которая красной ниткой проходит через большинство армянских семей. Это могут быть армянские традиции, свадьбы, похороны, поминки, связь с Арменией и внимания к государству, которое продолжает находиться в сложной ситуации и перед экзистенциальными вызовами. Это может быть тема христианства, армянского языка, тем много. Зависит от особенности формирования идентичности и от того, откуда этот человек.

— Прощу прощения, что я в эти болезненные вещи лезу. Есть, скажем, Маргарита Симоньян. Многие здесь отказывают ей в праве называться армянкой.

— Я, например, считаю, что, естественно, она этническая армянка. Корни и прошлое у неё армянские. Другое дело, что она, как и часть армян, это касается практически любых национальных меньшинств, проживающих в других странах, больше католик, чем Папа Римский, она больший родитель за Империю, за Россию, чем многие русские чиновники.

— И не только чиновники. А с чем это связано?

— Ну слушайте, это её осознанный выбор, это может быть микс комплексов плюс желание ассоциироваться с чем-то большим, сильным. Плюс гипертрофированное восприятие того, что Армения — всего лишь часть бывшего Советского Союза, маленький островок, который Россия спасала. Это нарратив, который Россия в течение многих веков в армян вбивала: что мы вас спасли. В этом есть доля истины, но Россия приходила сюда ради своих интересов, и далеко не всегда армяне выигрывали от этой ситуации, либо армяне иногда не вписывались в интересы Российской империи. Сложный вопрос. Поэтому я не считаю, что мы можем исключить Маргариту с этнической точки зрения из армян. Это неправильно, в желании быть хорошим гражданином страны проживания ничего предосудительного нет. Но когда возникает конфликт между интересами двух стран, здесь возникают вопросы, как люди себя позиционируют в этой ситуации.

— Здесь есть такой стереотип, что приезжающие из России армяне очень пропутинские, что у них промыты мозги пропагандой. Насколько это правда?

— Я думаю, что это большое преувеличение. Любая Империя, которая находится в состоянии войны, активно мобилизует своих граждан и промывает мозги. Когда являешься меньшинством, естественно, пытаешься себя уберечь, либо ассоциироваться с сильной страной, армяне тоже к этому тяготеют. Либо наоборот недовольство будет в латентном состоянии. То есть, тебе не нравится, но ты это не проявляешь. Это, как, допустим, в Армении тоже есть национальные меньшинства, которые здесь живут, мы их очень любим и уважаем: ассирийцы, езиды, русские и другие. Они практически всегда голосуют за партию власти, неважно, какая власть, хорошая или плохая, это тоже инстинкт самосохранения. В этом же контексте мы можем посмотреть на Украину, в Украине очень много армян, немало армян полностью на стороне Украины, многие из них воюют за Украину. И то же самое происходит здесь, если живёшь в диаспоре, ты из субъекта

отношений в любом случае превращаешься в объект с определённым уровнем влияния, поэтому сказать, что много армян поддерживает Путина — это голословно утверждение, у нас нет этих чисел. Я понимаю, что мы видим Маргариту Симоньян, и мы умножаем её на тысячи или десятки тысяч, то есть вводим какой-то коэффициент. Но давайте учтём, что в России живёт больше 2 млн армян, многие имеют внутреннее сопротивление тому, что им не нравится, особенно, когда они видят, как это отражается на Армении, на вопросе Карабаха или в ряде других случаев. Мы видим что произошло и особых иллюзий нет. Другое дело, что здесь тоже у части общества такого позитивного отношения нет к тому, что происходит внутри страны, к тому, что происходит снаружи. Сама Армения находится в кризисе, поляризация есть и здесь и в отношении того, что происходит в России тоже. Что более важно: приток армян из России ускорился не после двадцать второго года, а после восемнадцатого и значительно более ускорился после двадцатого года, когда мы потерпели поражение в карабахской войне, которая имела очень тяжёлые последствия. Как представитель организации, которая занимается репатриантами, скажу, что многие к нам обращаются и говорят, что именно двадцатый год и поражение заставили нас переосмыслить нашу жизнь и понять, что мы нужны Армении, и вдалеке от Армении просто сидеть и наблюдать, куда она идёт, просто уже невыносимо. Это интеллектуальные, образованные, подготовленные, патриотичные соотечественники, которые жили в России долгое время, 10-20 лет а то и больше.

— Мы же видим, что есть некоторая обида. Здесь просто люди рассуждают так, что: А где вы были раньше? Там у вас что-то произошло ужасное, и вы вспомнили про нас. И ведь у этих людей, у них же не было этого страшного травматического опыта, который переживала все эти годы Армения.

— Не сказал бы. Во-первых, многие из тех, которые уехали в начале девяностых, потеряли очень многое, уехали практически ни с чем, с нуля создавали свою жизнь там. То есть, здесь тоже очень примитивное зачастую восприятие диаспоры, что за рубежом огромные возможности, куда ни придёшь, тебя ждут с распростёртыми объятиями, деньги везде валяются. Во-вторых, тогда можно апеллировать к местным, сказать: А почему вы не жаловались, когда ваши родственники, которые жили за рубежом, с нуля там создали себя, когда они отправляли вам финансовую помощь или оказывали другое содействие, почему тогда вы этот фактор сейчас обнуляете и смотрите только на то, что они вернулись в Армению, потому что что-то пошло не так? Это достаточно примитивное восприятие. Есть, конечно, предупреждения с двух сторон, обиды или какие-то ожидания, но это очень зависит от уровня образования. Люди с достаточно высоким уровнем образования, те, которые ездили по миру, таких выводов точно не сделают. Люди, у которых не было этой возможности, я их в этом не обвиняю, зачастую любят примитивизировать. Давайте возьмём Россию, там то же самое происходит. Посмотрите, на кого действуют программа Соловьёва и та же Маргарита Симоньян. То есть можно провести определённую границу, исходя из ценза не только образования, но уровня развития человека, уровня его критического мышления. Даже на тех, кто образован, действует пропаганда, а представьте тех, кто привык к совсем другому образу жизни.

— Здесь к приехавшим русским относятся лучше, чем к приехавшим армянам, и это в принципе вполне объяснимо: с нас спрос не очень большой, мы всё-таки чужие. А если приезжают армяне, они обязаны знать язык, историю, культуру.

— Ну, естественно, когда ты приезжаешь без предубеждений, без багажа

негативного опыта и здесь от тебя нет ожиданий, зачастую происходит всё проще. У меня есть знакомые японцы, швейцарцы, американцы, англичане, русские, которые здесь живут и не испытывают этого комплекса субъективных восприятий, отношений, нюансов, потому что они смотрят на Армению так: вот это нам нравится, это не нравится. В интегральном смысле нравится, всё, давайте попробуем. Для этнических армян зачастую это более сложный выбор. Потому что есть багаж прошлого опыта, отношений, какие-то травмы. Надо смотреть проще: хочешь — можешь приехать попробовать, тем более, если ты этнический армянин. Неважно, кто тебе что скажет, это твоя страна. Если человек приезжает с ощущением, что это его собственность, в этом контексте и любые такие разговоры будут восприниматься значительно менее болезненно. Потому что в конце концов мы же выбираем круг общения. Мы же не общаемся со всеми подряд. Мы же не говорим, что а вот этот товарищ из Люберец мне сказал это. Лично у меня, например, очень широкий круг общения, он практически не уступает, а то и лучше с точки зрения разнообразия, чем когда я жил в России. Потому что, например, приток сирийских армян (было больше 10.000) внес свою лепту, обогатил местную культуру в разных её проявлениях, и в бизнесе, и в социальной и в поведенческой модели, да и в культурной среде. И любой такой приток, он сначала преодолевает некое сопротивление, но потом приносит этот эффект. Эти вещи потом становятся частью этой культуры. Любая культура маленькой нации, маленького народа, которым мы, к сожалению, стали, потому что сжались исторически в 10 раз в территории и уже не знаю в сколько раз с точки зрения населения, она сама по себе более консервативная по определению. Если центр Еревана — это одно, то если чуть подальше пойдёшь, то увидишь, что там этот консерватизм в отношении к вновь прибывшим играет несколько другую роль. Но давайте ещё одну вещь скажем, что при том, что в Армении есть много социальных проблем, при том что Армения находится де факто в состоянии войны уже многие годы, при всех этих особенностях уровень агрессии к приехавшим, неважно, это русские, армяне, англичане, персы — минимален. То есть по сути народ в целом, чтобы там люди не говорили на бытовом уровне и так далее, это всё на уровне разговоров, к реальной агрессии или к реальным проблемам это редко приводит. Если только ты сам на этом не зациклен и не ищешь повод, а это часто происходит с приехавшими. Отличать себя от местных — это очень важный аспект, когда человек приезжает и у него есть багаж предыдущего опыта, не очень удачный, он сам зачастую, первый вводит эти ограничительные линии: я другой, я приехал спасать страну, я знаю, что надо делать, я вас научу, как жить. Когда этот набор вступает в силу, он приходит с этим набором и с желанием что-то изменить, естественно, что у местных возникает и ответная реакция.

— Скажем честно, многим, после Москвы особенно, не очень нравится Ереване, причём абсолютно независимо от того, русские, армяне. Просто люди, которые приехали сюда из Москвы, у них то, что называется претензии. Они все время говорят, что это маленький город, здесь нету этого, нету того. А вот это не очень хорошо работает. И они уже не столько армяне или там не знаю кто, они уже, мне кажется, москвичи, у них другая ментальность. В чём это отличие, чем отличаются московские армяне от местных?

— Самый простой ответ следующий. Давайте представим, если из Москвы человек переехал в Нью-Йорк или куда-нибудь в Юту в город с населением 500 тысяч человек или миллион. Или уехал в Краснодар, не будем далеко ходить. Конечно, Ереван не Краснодар, по крайней мере с культурной точки зрения, с точки зрения жизненаполнения он более интересен, более развит. Это одна из тем дискомфорта. Вторая тема заключается в том, что

опять-таки здесь вопрос в том, что он не переехал сюда, потому что здесь ему больше нравится. Он переехал сюда потому, что наиболее удобный быстрый вариант был здесь, и казалось, что с точки зрения языка и прочих особенностей, инфраструктура, перевод денег, это оптимальный вариант. Он уезжает из, но не в, у него нет времени на выбор. Я знаю многих армян и русских, которые подходили к вопросу переезда в Армению осознанно, готовились к этому, они приехали потому, что, как раз наоборот, здесь нравится, здесь больше времени на жизнь. Меньше времени вы тратите на пробки. У вас есть возможность жить насыщенной жизнью, не только профессиональной, но и социальной. У вас достаточно высокий уровень свобод возможность реализовывать массу проектов с минимальными инвестициями и видеть их воздействие на общество и на государство. В огромных странах, больших городах вы, как муравей, у вас там ID Number. Здесь вы человек, который можете что-то сделать. Да это сложнее потому, что это культура стартапов. Если вы привыкли работать в корпорации, где работают 5000 человек, у вас есть карьерный рост, понятный процесс развития, перехода на новую ступень — здесь этого нет, здесь по большей части всё на уровне стартапов. И это не всем подходит, это нормально.

— Есть ещё феномен так называемой частичной эмиграции, когда человек переехал физически, а все-таки ментально он еще остается там, и это важная вещь. Очень большой процент русской эмиграции считают, что они уехали временно, что им надо как-то всё это пережить. Потом оно закончится, и они спокойно поедут обратно.

— На мой взгляд, это иллюзия.

— Но это очень распространенное настроение. Если в России улучшится ситуация, армяне поедут обратно?

— Часть может вернуться, естественно, потому что в Армении при всех плюсах есть две основные проблемы. Это экономические возможности. В любом случае это маленький рынок, небольшое государство с определёнными транспортными, логистическими и прочими ограничениями. Внутри Армении бизнесу достичь каких-то серьёзных успехов возможно, но это абсолютно другой масштаб по сравнению с Москвой, Нью-Йорком, Женевой или каким-то другим городом или государством. Второе — это вопрос безопасности, этот вопрос стоит остро. Но для многих репатриантов он вторичный, они готовы вместе с местными разделить ответственность за страну, если начнутся полномасштабные действия. Третье — это вопросы, связанные с интеграцией, но они, с моей точки зрения, не имеют такого большого влияния на решение уехать или приехать. Они больше связаны с тем, с каким багажом человек сам приезжает. С какими ожиданиями и с какими тараканами в голове. Если захотеть найти плохое, однозначно вы можете здесь много чего найти, как и в любой другой стране. Если вы захотите найти хорошее, сконцентрироваться на этом, Армении есть много что вам предложить. Мне лично, человеку, который уже 14 лет живёт в Армении, считает Армению своим домом, периодически не хватает МКАДа, не хватает огромного торгового комплекса, не хватает ощутить себя муравьём, бегущим от одной встречи к другой, не хватает масштабов. Но как только я выезжаю за рубеж, неважно, в Россию, либо в Европу, либо в США, через неделю максимум меня сильно тянет домой, к этому образу жизни, друзьям, тем, чем я занимаюсь. Это от человека зависит опять-таки. Я знаю, что многим людям нравится Армения именно в этом контексте, ты здесь не винтик, к тебе есть особое отношение. Да, местные зачастую лезут со своим любопытством, задают вопросы, которые в Москве точно не задавали бы. Но с другой стороны, им интересно, что с тобой происходит. А в Москве зачастую ты

можешь к соседу обратиться ночью, если что-то потребуется, и сосед, который тебя знает 10 или 20 лет, может испугаться открыть тебе дверь. Здесь, не дай бог, если ты упадёшь на улице, тебя не только подберут тебя и довезут, куда надо, ещё удостоверятся, что тебя приняли в медицинском центре, что всё с тобой в порядке. Каждая медаль имеет две стороны.

— В прошлом году я сделал передачу на такую провокационную тему: станет ли Ереван Москвой? Это странно звучало, все говорили: ну что вы, конечно, нет. А сейчас говорят: да, что-то есть такое. Постепенно Ереван становится более московским в плане комфорта. Это скорее хорошо, а вот в плане идентичности, не знаю.

— Я думаю, что Ереван Москвой не станет никогда. И помимо Еревана есть Армения. Для меня Ереван не тождественный Армении, он просто большой город со своей культурой, со своей эклектичностью и достаточно высоким уровнем инклюзивности. Приветствую любые изменения, любые новые тенденции, в конце концов это приводит к большему разнообразию и к вещам, которые могут быть востребованы людьми, которые приезжают, но при этом я не думаю, что эти изменения будут настолько серьёзными, настолько глобальными, что тотально изменят образ жизни. Пока что речь идет все-таки о нескольких десятках тысяч людей примерно, а не о сотнях тысяч или миллионах, которые приезжают в страну и благодаря чему или по причине чего страна капитально меняется. Я как раз за изменения. Народы, которые привыкли выживать, привыкли к моноэтнической среде обитания и монокультуре, у них есть эта клаустрофобия, эта защитная реакция. А как это скажется на нас? А не конкуренты ли эти люди нам? А то что, они говорят, это как сочетается с тем, как мы привыкли жить? В этом есть позитивная черта, но есть и негативная, потому что развитие, прогресс происходит, когда ты у тебя есть рефлексия, есть возможность сравнить.

— Мне не очень нравится другое: желание сделать так же, как там?

— Это естественное желание. Когда человек приезжает, мы создаём ему зону комфорта, обеспечиваем его контактами с людьми, которые переехали из того же города, имеют ту же профессию, говорят на том же языке, чтобы они могли быстрее интегрироваться в местное общество, не теряя своих отличий, помогли сделать Армении более интересной, разнообразной, сильной в различных проявлениях. Естественно, когда человек приезжает, ему что-то нравится, потом он начинает замечать вещи, которые ему не нравятся, и начинает от этого беситься, злиться, но, тем не менее, он смотрит на это всё со стороны. Через какое-то время, если он дольше находится в Армении, он начинает думать: «А почему это так?». Не только судить о том, что нравится, не нравится, а и ставить себя на место местного человека и понимать, почему это проявляется в той или иной форме и что с этим надо делать. Он начинает осознанно или неосознанно адаптироваться к жизни здесь, и очень хорошая лакмусовая бумажка — это отъезд из Еревана куда-то в другое место. Месяц-два, и вы начинаете скучать по Еревану.

— Давайте скажем прямо, позиции России по сей день очень сильные, а у Армении слабые. Тут не очень равные силы, поэтому российское влияние, которое проявляется в Армении, пускай через приехавших оппозиционеров и так далее, оно, конечно, очень мощное.

— Когда человек переезжает из митрополии в то, что он понимал как провинцию или отдалённую часть бывшей империи, всё равно это психологическое восприятие того,

что это бывшее наше, оно присутствует, сколько бы он ни был оппозиционно настроен. И это формирует у него несколько другой уровень ожиданий. На Кипре, вполне возможно, уровень ожиданий и требований у него был бы значительно более скромный и адекватный. А здесь эта общность с точки зрения культуры, совместного прошлого советского формирует и дополнительные ожидания от того, что Армения должна делать. Вот это так, а это должно быть так. А в Москве у нас так, а здесь этого нет. Но с какого-то момента, если ты реально чувствуешь, что это твоё, ты думаешь: ладно, если этого нет, давай я это создам. С кем? А вот ребята местные есть, вот ребята приезжие, можем сделать, всё поехали.

— А есть другой ответ. Если этого здесь нету, может быть, это и не надо здесь?

— Но нужно время, чтобы прийти к этому. Сначала человек создает то, к чему он привык, потом начинает задумываться, а это вообще хорошо? А может, и ему самому это уже не нужно. Так он переходит в другую фазу.

— Что касается российских армян. Фигурирует огромная цифра 2 млн, даже больше. И есть некоторое представление, что в теперешней политической ситуации эти люди фактически заложники. Насколько реален вариант массовой депортации? Очень разное отношение. С одной стороны, если в Ереван приедет 200.000 армян из России, сказали люди, это же кошмар, начнётся коллапс. А есть вторая точка зрения: пускай приезжают все, чем больше армян в Армении, тем лучше.

— Смотрите, стран, которые сумели успешно реализовать проекты массовой репатриации, не много. Это Израиль, который в это очень много денег вложил, и диаспора, и государство при поддержке США. Причём не сразу. Это Германия, это ряд стран поменьше, где потоки были меньше. Но по большому счёту их на пальцах можно посчитать. Армения к массовой репатриации в целом, я думаю, не готова. Но при этом сказать, что обязательно здесь какой-то коллапс произойдёт — тоже неправда. Во-вторых, депортация — очень специфическая тема. Мы говорим об армянах в России, это в основном граждане России, которые давным-давно там проживают. Россия будет депортировать своих граждан? Ну, это ещё мигранты, их, кстати, в России уже не так много, они не составляют критической массы. У России на Армению есть много рычагов влияния. Если будем откровенными, это и трансферты, которые люди отправляют родственникам, это и экономическое связи между Арменией и Россией, всё-таки Россия является ключевым партнёром во внешней торговле и вряд ли это поменяется. Это и военное присутствие со всеми вытекающими последствиями здесь, в Армении. То есть, в принципе рычагов влияния, давления или продвижение своих интересов у России в Армении немало. Диаспора в этом арсенале может присутствовать, но я не думаю, что такие радикальные варианты возможны или исходят из интересов России. При любом раскладе, чтобы Армения ни делала, я не думаю, что Россия захочет запустить подобные глобальные процессы. Потому что в конце концов есть вещи, которые будут иметь последствия для их отношений с другими государствами и народами и могут иметь побочные эффекты.

— Как вам кажется, придёт время, когда все приехавшие, российские армяне, иранские, сирийские, украинские, русские, ещё кто-то, это просто жители страны, эти вещи уже перестанут иметь значение. Доживём мы до этого дня?

— Думаю, да. Давайте отделим добровольную репатриацию от вынужденной. Опыт показывает, что, если она вынужденная, 20-30% всё равно остаётся в стране. 70% либо возвращаются обратно, либо едут дальше.

— Это не так мало

— 20-30% – это очень немало, но желательно, чтобы государство имело какой-то проактивный подход. Даже не армянам, которые живут в Армении, надо помогать с интеграций, помогать изучать язык, на бытовом уровне предоставить набор поддержки в долгосрочном смысле проживания здесь и пускание корней. Если мы это сделаем, эти 20-30 можно довести до 40%, что будет очень неплохо. А если это добровольная репатриация, опыт показывает, что процент людей, которые остаются – 70-80. При экономических ограничениях, при серьёзных внешнеполитических военных вызовах люди, особенно армяне, остаются